

№ 61 МАЙКОПОДСКАЯ ГАЗЕТА

Цѣна отдѣльнаго № 3 к.

(первая) ежедневная, литературно-политическая, общественно-экономическая.

Годъ изданія I-ый.

1910 г.

Воскресенье 26 декабря.

Временно выходит три раза въ недѣлю: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ.

МАНУФАКТУРНЫЙ МАГАЗИНЪ

К. Я. ТЕРЗИЕВА

ПОСТОЯННО ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ МОДНО-МАНУФАКТУРНЫЕ ТОВАРЫ.

Майкопъ, Соборная ул., собствен. домъ

-34

27 декабря
ВЪ ШКОЛѢ
ТАНЦЕВЪ **Т. С. ЛАПЕНКО**

СОСТОИТСЯ

БАЛЬ-МАСКАРАДЪ БУДУТЪ ИСПОЛНЕННЫ БАЛЕТНЫЕ ТАНЦЫ

Костюмы можно имѣть въ моей школѣ или въ магазинѣ готового платья „Оберотъ“.

Магазинъ Бр. Чумаловыхъ.

Единственный въ Майкопѣ по красотѣ, изяществу и количеству **МОДНО-ГАЛАНТЕРЕЙНЫХЪ ТОВАРОВЪ.** Заграничные и русскіе кружева, галюры и модныя отлѣпки для платьевъ и перчатокъ вещей. Бѣлье, галстухи, чулки. Горжетки, шляпы и шапки. Кровати, матрацы и пр.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ золотыхъ и серебряныхъ вещей. АССОРТИМЕНТЫ для подарковъ.

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ, лучшихъ заграничныхъ фабрикъ, получая большими партиями для всѣхъ отдѣленій **ТОВЪМЪ ЦѢНАМЪ** въ рубли съ полной гарантией.

Къ каждому сезону новости Парижа. 15-

Доски Царицынскія сосновые и еловые получены въ большомъ выборѣ и продаются по весьма умѣреннымъ цѣнамъ при лесопильномъ заводѣ

И. В. ЗАВЕРШИНСКАГО

въ г. Майкопѣ, при фѣкѣ Бѣлой, противъ казачьей батареи. Телефонъ № 40. 2-12

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

Принимается всевозможный

чугунный ломъ

какъ-то: маховики, шкивы, зубчатые колеса, котлы, чугушки и прочее. ● Заводъ М. Н. Гурскаго въ Майкопѣ. 3-12

Съ 11 декабря 1911 года **Рыбная торговля Торг. Дома А. и Д. Дегтяревыхъ** въ г. Майкопѣ, на Новомъ базарѣ

перешла въ собственность **С. Г. Блѣднову.**

Всѣ письма и требованія прошу адресовать: Майкопъ, Степану Григорьевичу Блѣднову.

Книжный и канцелярскій магазинъ
Ө. Т. МАРЪЕВА въ Майкопѣ

Магазинъ снабженъ постояннымъ запасомъ въ большомъ выборѣ письменныхъ, учебно-канцелярскихъ и учебныхъ пособій.

Принимается подписка и объявленія для „Майкопской Газеты“.

СТАЛЬНЫЕ КАНАТЫ для НЕФТЯНЫХЪ ПРОМЫСЛОВЪ.

БАКИНСКОЕ ОБЩЕСТВО ПРОВОЛОЧНЫХЪ КАНАТОВЪ-КАБЕЛЕЙ (бывшій ФОРБЕСЬ)

силь обращаетъ вниманіе г.г. нефтепромышленниковъ на то, что оны из-готовляютъ

СТАЛЬНЫЕ ПРОВОЛОЧНЫЕ КАНАТЫ СПЕЦИАЛЬНО для ПРОМЫСЛОВЫХЪ НУЖДЪ.

Для удобства покупателей въ Кубанской области Общество держитъ полный складъ проволочныхъ канатовъ въ стан. Апшеронской у своего представителя въ этомъ районѣ

Торговаго Дома „СТУКЕНЪ и К“

ФАБРИКА въ БАКУ, Торговая ул., собствен. домъ.

45-50 Телеграфное адреса: БАКУ, Форбесъ. АПШЕРОНСКАЯ, Форбесъ.

Издательство „КУЛЬТУРНЫЙ КАВКАЗЪ“

Вышли слѣдующія изданія:

1) Майкопскій Календарь-Справочникъ „Для Всѣхъ“ на 1911 г. съ планомъ города Майкопа и картою нефтяного района. Цѣна 30 коп.

2) Какая намъ нужна наука? Рѣчь о наукѣ Эд. Карпентера. Цѣна 10 коп. (Печатается).

3) Карта центрального промыслового района. Съ указаніемъ положенія буровыхъ работъ, дорогъ, телефонныхъ, водопроводныхъ и нефтепроводныхъ линий. Цѣна 25 коп.

4) Планъ города Майкопа. Телефонная сѣть и водопроводъ. Цѣна 10 коп. (Изданіе распродано и печатается вновь).

5) „Кубанскій Нефтяной сборникъ“. Готовится къ печати.

Означенныя изданія продаются въ книжномъ магазинѣ Марѣева, въ конторѣ „Майкопской Газеты“, въ кіоскахъ и у газетчиковъ.

Майкопскій Артистическій Клубъ.

На предстоющихъ святкахъ въ помещеніи клуба (бывш. Александр. училищѣ) будутъ устроены:

26 декабря бесплатная елка для бѣдныхъ дѣтей.

28 декабря маскарадъ. Члены и маски—75 к. Безъ маски гости—1 р. 50 к. Входъ по рекомендаціи членовъ.

31 декабря Встрѣча Нового Года кабарѣ. Ужинъ по подпискѣ (2 р. съ персоны). Начало въ 8 1/2 час. вечера.

Занесъ принимается заблаговременно въ помещеніи Торгово-Промышленнаго Банка у председателя и казначея клуба.

Магазинъ мануфактурныхъ товаровъ и готоваго Московскаго платья

Н. В. БАЙСТРЮЧЕНКО

въ г. Майкопѣ.

Отдѣленіе въ станицѣ Бѣлорѣченской.

Получены новости къ осеннему и зимнему сезону. Богатый выборъ драпа, сукна, фланели, бужажен, кашемира, шалей, платковъ, новровъ и скатертей.

Подписная цѣна въ 1911 году на

„Майкопскую Газету“

съ бесплатными приложениями:

1) Майкопскій календарь-справочникъ на 1911 г.

2) Нефтяной сборникъ на годъ съ доставкой и пересылкой 6 р., на полгода 3 р. Загранично въдоб.

Объявленія на 1-й страницѣ—20 коп. строка летита, на 4-й—10 коп. Иностраннѣ объявленія 30 и 20 коп. строка Годовымъ и мѣсячнымъ—скидка. Объявленія о срѣдѣ и продолженіи труда, наймѣ и сдачѣ помѣщеній 25 коп.—5 строкъ на 4-й страницѣ.

За переимѣну адреса 28 коп.

Редакція „Майкопской Газеты“ (Соборная, домъ А. И. Альтшулера), открыта отъ 10 до 12 час. ежедневно. Телефонъ № 67.

Материалъ для печати адресовать непосредственно въ редакцію.

Присылаемый въ редакцію материалъ поступаетъ всецѣло въ распоряженіе редакціи.

Писать надо четко и на одной сторонѣ листа. Анонимныя статьи не принимаются.

ВРАЧЪ

ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА **Жилинская**

внутреннія, женскія и дѣтскія болѣзни

ПРИНИМАЕТЪ БОЛЬНЫХЪ ежедневно отъ 9—12 ч. у. и съ 4—6 ч. в.

Адресъ: домъ Безобразовой, Бульварная ул., уголъ Клубной, противъ кинистого завода „Сѣверный Кавказъ“ Числечка. 3-

УЧИТЕЛЬНИЦА

ОПЫТ-НАЯ

ведетъ занятія группами и отдѣльно по программамъ средн. учеб. заведеній.

Домъ Волошина, за фотографіей Амбражевича.

Рождество Христово.

Не говорите намъ: „Безсилна правда ваша“...

Ужъ въ мѣрѣ уголка такого нѣтъ,
Куда-бы не проныть ея чудесный свѣтъ,
А горькая, губительная чаша
Тлетворной жи и злобы вѣковой
Еще полна, полна отравой роковой.
—Безсилна но она, безсмертная, святая,
Безсилныя мы, пигмеевъ жалкій рой,
Безсилнаго голоса нашъ, пугливый и
глухой,
Чтобъ адскій хоръ вражды и злобы
заглушая,
Въ сердцахъ людскихъ огонь божественный
зажечь...

Есть рѣчь, есть молвіей свергающая рѣчь,
Мечемъ Спасителя пылающее слово.
Изъ устъ пророческихъ и сладко и сурово
Божественный глаголъ надъ міромъ
завзвучитъ.

Винная властному могучему глаголу,
И мудрый голову невольню клонитъ долу
И сильный въ ужасѣ дрожитъ;
Чертоги рушатся, какъ съ дрогнувшей
вершины
По ребрамъ скалъ крутыхъ катящіеся
льдины;
Крошится, какъ песокъ, темница нѣмой
гранитъ.

Какъ лепестки сухихъ вѣтвочекъ отъ
дуновенья,
Безсилно сыплются оковы стальными
звенья;
И новыхъ думъ огонь горитъ въ душѣ
людской,
И новыхъ слезъ родникъ потокомъ
вольнымъ льется...

Но голосъ тотъ, увя!—могучій и святой—
Въ тысячелѣтье разъ надъ міромъ
раздается!...

Не намъ въ ладѣ своей обтечь
Подъ грозной бурей жизни море
И Правды вѣчной на просторѣ
Провозгласить святую рѣчь;
Въ убогій нашъ вѣнецъ ни терній,
Ни завровъ пышныхъ не власти.
Нашъ пламень искоркой вечерней
Едва мерцаетъ на пути.

Женскіе силуэты.

IV.

Вечеромъ по субботамъ много мужчинъ
заходятъ въ цвѣточннй магазинъ, чтобы
приобрѣсти красенскую гвоздику въ пе-
талю или заказать букетъ для той, за
которой ухаживаютъ.

Въ одну изъ такихъ субботъ, спрятав-
шись въ углу магазина за купами цвѣ-
тушкахъ азалий, я наблюдаю за всѣми
покупающими цвѣты, а возлѣ меня нахо-
дился хорошенькая цвѣтощица, настоя-
щій „чертенокъ“ и во мѣрѣ того, какъ
входили новые покупатели, она сообщала
мнѣ на ухо все ихъ подготовку.

Вотъ вошелъ красивый молодой чело-
вѣкъ, блѣдный, съ черными усами уста-
лыми, скучающимъ взглядомъ.

— А, М-ръ Максъ, привѣтствовала
его продавщица съ кокетливой улыбкой.
Вы совѣсьмъ насъ забыли, вотъ уже не-
дѣля, какъ васъ не видно.

Я толкая локтемъ моего „чертенка“ и
спрашиваю:

— Какъ неужели его называютъ здѣсь
уменьшительнымъ именемъ?

— О, это одинъ изъ самыхъ выгодныхъ
покупателей, пенсечетъ мнѣ чертенокъ.

Онъ покупаетъ у насъ цвѣты не ме-
нѣе какъ на 5 тысячъ въ годъ; и она
снова обращается съ улыбкой къ по-
купателю.

— Сегодня какъ-жъ вамъ угодно цвѣ-
товъ?

— По обыкновенію, два букета ланды-
шей, отвѣчаетъ Максъ.

— Одинаковые?

— Нѣтъ... Вы отлично знаете одинъ
въ сто, а другой въ пятьдесятъ рублей.

— Букетъ въ сто руб. прикажете по-
слать на бульваръ Н., а другой на ули-
цу Т.? еще разъ спрашиваетъ цвѣтощи-
ца и, нагнувшись ко мнѣ шепчетъ:

— Дорогой букетъ—для жены, а поде-
шеле—для любовницы. М-ръ Максъ ду-
маетъ обо всѣхъ, а то у насъ масса эго-
истовъ, которые думаютъ только о себѣ,
о своихъ удовольствіяхъ и жены такихъ
сами покупаютъ себѣ цвѣты.

— Но чѣмъ-же Максъ лучше другихъ,
почему онъ такъ богатъ?

— Вы еще спрашиваете?
Дорогой букетъ для жены, является
какъ-бы успокоеніемъ совѣсти, кокетли-
во отвѣтилъ мнѣ чертенокъ.

Едва Максъ вышелъ, какъ появилась
новая личность.

— Это былъ баронъ, съ сѣдѣющими ба-
кейбардами, рѣзкимъ профилемъ и жел-

Сырая-ль туча пронесется,
Холодный вѣтеръ-ли дохнетъ,
Она замечаетъ, забьется
И безъ сѣйда на вѣкъ замретъ...
Но непрерывно, неустанно,
Пока хоть блѣденъ, одинокъ,
Еще мерцаетъ средь тумана
Нашъ робкій, тусклый огонекъ.
Надвигаясь вольному порыву,
Взывать, о братья, будемъ къ вамъ:
Внемлите братскому призыву,
Услышите насъ, придите къ намъ!
Поднимаемъ вмѣстѣ наше бремя,
Неволи рабской тяжкій гнетъ.
Скорбей и бѣдъ не вѣчно время.—
Святая Правда къ намъ грядетъ!

Сквозь мракъ и сонъ, сквозъ дымъ и
пламя
Она несетъ святое знамя
И бичъ возмездія несетъ...
Она придетъ, она разсудитъ...
Она темницы отперетъ
И мертвецовъ отъ сна разбудитъ
И къ вождяныю призоветъ—
За всѣ печали, скорби, боли,
За каждый день, за каждый мигъ
Невинныхъ слезъ во тьмѣ неволи,
За каждый стонъ, за каждый крикъ...

Вилли.

Магадева*)

(Индійская легенда.)

Трижды благословенъ великій Магадева и
трижды благословенно твореніе его.

Весь міръ онъ любилъ безпредѣльно и никого
не оставилъ любовью своею, и птичку въ чащѣ
лѣсной, и полосатого тигра, что прячется въ
джунгляхъ и каймановъ на днѣ лѣсныхъ озеръ.
И было у него различіе между самымъ могу-
чимъ ражой и послѣдней былинкой въ пустынѣ.
Слушай, расказаю тебѣ о Магадевѣ—вели-
комъ.

Давно, давно это было, еще не завоевали насъ
вы—сѣверные люди съ холоднымъ сердцемъ
и вѣчной ложью на устахъ. Тогда жилъ Мага-
дева!

Ты знаешь какіе дни бываютъ здѣсь порой,
когда солнце льетъ лучи свои на землю подобно
потоку расплавленнаго золота?

*) Магадева—одно изъ многочисленныхъ именъ
Будды.

той кожей,—желтой какъ топазита, ко-
торое съ презрѣніемъ бросилъ онъ на
прилавокъ.

Продавщица улыбалась и ему, но совѣ-
сѣтъ не такъ, какъ Макоу. Это была
улыбка вѣжливая, слегка боязливая.

— Вы знаете его? спросила я ее шеп-
отомъ.

— Конечно! это банкиръ.

Баронъ подошелъ ближе къ прилавку
и, не глядя на цвѣтощицу, рѣзкимъ го-
лосомъ потребовалъ корзину орхидей.

— Адресъ все тотъ-же? спросила про-
давщица.

Въ отвѣтъ на это, онъ только пожалъ
плечами, повернувшись на каблукахъ, мол-
ча вышелъ изъ магазина.

Продавщица нѣсколько минутъ поры-
лась въ своихъ книгахъ и, наконецъ, об-
ъявила мнѣ:

— Вотъ уже девятый разъ посылаетъ
онъ цвѣты по тому же адресу! Первый
разъ онъ такъ постояляетъ.

Вѣроятно это потому, что не имѣетъ
успѣха!

— У кого-же воскликнула я; и, вы-
скочивъ изъ моей заставы, бросился къ
книжкѣ.

— Ради Бога, Maemoiselle, покажите
мнѣ эту книгу.

Но продавщица, отстранила мою руку
и сказала:

— Только не это, мой другъ; книга
эта неоткрывается для постороннихъ!...
Не настаивайте, пожалуйста.

Чтеніе этой книги убиваетъ людей. Вы
сидѣте? Не хотите мнѣ вѣрить?!

Такъ выслушайте-же исторію, которую
я вамъ расказаю.

Говорила это, она такъ ласково смотре-
ла на меня, что я не имѣлъ силъ соу-
сѣдаться ей и со вздохомъ утѣлся на свое
прежнее мѣсто.

Она начала свой расказъ:

— Три года тому назадъ, я по обы-
кновенію сидѣла у конторки, вдругъ во-
шелъ молодой красавецъ, котораго еще
никто у насъ въ магазинѣ не зналъ.

Онъ заказалъ огромный букетъ сире-
ни и просилъ послать его по указанно-
му адресу. Я тотчасъ-же записала ад-
ресъ и велѣла „составить букетъ.“

Едва заказчикъ вышелъ изъ магазина,
какъ вошла молодая женщина, блѣдная
какъ смерть, и слабымъ голосомъ спро-
сила букетъ розъ. Выбравъ первый по-
павшійся изъ тѣхъ, которые мы ей пока-
зали, она попросила послать его къ ней
на домъ.

Я спросила ее фамилію и адресъ.

Въ такой день шелъ Магадева по выжженной
солнцемъ безводной степи. Голодъ и жажда то-
мили его; всѣ чувства земныя были не чужды
ему.

Высохшій водою пересекъ его путь.
Магадева остановился и заморь. Въ водоѣмѣ
лежала тигрица съ перешибленными передними
лапами.

Два дѣтенюшка было съ ней, два маленькихъ,
слабыхъ дѣтенюшка, просившихъ пищи.

Но пищи не было видно кругомъ и печаль-
нымъ рычаніемъ оглашала тигрица окрестность.

Магадева стоялъ и смотрѣлъ. Яркимъ огнемъ
горѣла въ высокой душѣ любовь ко всѣмъ зем-
нымъ созданіямъ и жгучая жалость наполнила
сердце его.

Попелъ Магадева, пошелъ и даже не оберну-
въ, чтобы взглянуть на прекрасныя сіяющія го-
ры блѣдющія вдали своими гордыми вершинами.

Спустился въ водоѣмъ и твердыми и велича-
выми шагами пошелъ къ тигрицѣ.

Остановившись солнце и смотрѣть внимательно
горы: подвигъ великій творить и въ жертву
приносить себя Магадева!

И растерзала тигрица тѣло Магадевы и дѣ-
тенюшекъ имъ накормила.

Не при толпахъ народныхъ, которые запо-
мятъ каждое движеніе, каждый взглядъ страда-
льца и передадутъ его въ вѣка и вѣка, нѣтъ, въ
безмолвной пустынѣ свершаетъ свой подвигъ
любви Магадева!

И никто изъ людей не узналъ и не знаетъ о
жертвѣ великой и только древняя индійская
поэма глухо говоритъ объ этомъ.

Да будетъ-же благословенно имя великаго,
который весь міръ любилъ и никого не оставилъ
любью своей.

Мих. Сумцовъ.

Мистеріи въ Аммергау въ 1910 году.

(Впечатлѣнія Т. Щепкиной—Куперникъ и ба-
рова Дриена.)

„Мюнхенскій вокзалъ Суета и давка. Вхо-
въ въ вагоны будетъ открытъ лишь за 5 минутъ
до отхода поѣзда. Слышится разноязычный го-
воръ. Тутъ французы, нѣмцы, англичане, аме-
риканцы. Замѣтны и русскіе. Ихъ сразу можно
узнать потому, какъ они французы. Обычно
аккуратные нѣмцы выдержали поѣздъ. Наконецъ,
мы въ вагонѣ. Поѣздъ тронулся. Оглядываемъ
публику. Чинно сидятъ нѣм. патеры, раскрывъ
свои молитвенники. Завязывается разговоръ.
Изъ окна открывается чудесный ландшафтъ.
Мелькаютъ рѣчки, озера, мѣсты. Начинаются
деревенскіе виды. Вдругъ разразилась гроза съ
проливнымъ дождемъ. Подъ дождемъ пришлось,

„Я иностранка, отвѣчала она, и у ме-
ня чрезвычайно сложная фамилія, позво-
дите и сама записать адресъ.“

Ничего не подозревая, я подала ей
книжку, но едва она взглянула на тѣ стро-
ки, которыя я только что написала, вс-
крикнула и зашаталась...

„Боже мой! что съ вами“ спросила
я ее.

— Ахъ, это ничего, отвѣчала она, и
очень слаба и боюсь что со мною сдѣла-
ется дурно, и вдругъ, слегка оправив-
шись, она заговорила съ лихорадочной
послѣдностью:

„Подайте мнѣ розы, которыя я выбра-
ла, такъ-же флеръ-д'оранжъ, туберозъ
и всакии другіе душистыхъ цвѣтовъ,
но какъ можно больше...“

На слѣдующій день мы узнали изъ га-
зетъ разгадку, этого событія. Нашъ но-
вый заказчикъ былъ мужъ этой дамы, и
молодая женщина, узнавъ о томъ, что
мужъ ей измѣняетъ, начала за нимъ слѣ-
дить.

Она видѣла какъ онъ вошелъ въ цвѣ-
точный магазинъ и заказалъ цвѣты.

Войдя послѣдъ за нимъ, она прочла въ
нашей книгѣ имя ея соперницы, и это
было имя ея лучшей подруги!..

„Да, мой другъ, есть на свѣтѣ женщи-
ны, которыхъ обманывать нельзя, физиче-
ски нельзя—и эта принадлежала къ
числу такихъ.“

Она не въ силахъ была пережить ра-
зочарованіе и въ тотъ же вечеръ, когда
сдѣлала свое ужасное открытіе, она за-
перлась въ комнатѣ, засыпала свою по-
стель цвѣтами и... задохнулась.

— Да и цвѣты могутъ убить человѣ-
ка“, грустно закончила свой расказъ хо-
рошенькая продавщица.

„Конечно, вы знаете книжницу В., эту
необыкновенно добродѣтельную женщину
съ тѣхъ поръ, какъ разводъ далъ ей
право выйти замужъ за своего любовни-
ка?“

Но я знала ее еще тогда, когда она была
графиней Ш. и разлученная съ любя-
щимъ человѣкомъ она приходила ежед-
невно сюда заказывать для него букетъ
цвѣтовъ.

Однажды гр. Ш. стояла на томъ-же
мѣстѣ, гдѣ вы теперь сидите, и указы-
вала мнѣ по своему рисунку какъ нуж-
но расположить розы въ громадномъ бу-
кетѣ.

Рисунокъ ее представлялъ герольдиче-
скую корону князя В., и графиня хотѣ-
ла ему послать букетъ ко дню его рож-
денія.

пріѣхавъ въ Аммергау, отыскивать свою квар-
тиру, имѣть объясненія съ извозчикомъ. За-
прашиваютъ съ пріѣзжихъ вѣрес. Наконецъ, я
устроился въ домѣ ап. Іоанна. (Въ этой роли
будетъ завтра выступать владѣлецъ умныхъ
комнатъ, гдѣ я почую). Рано наступитъ су-
мерки. Нужно дожидаться. Завтра въ 8 часовъ
начало представленія.

Деревня Аммергау въ настоящеемъ—скорѣе
модный курортъ. Всюду электричество, велоси-
педисты, ландо. Утреннихъ поѣздовъ нѣтъ. Не-
обходимо пріѣхать съ вечера. Мюнхенъ-Аммергау
все одной общиной. Наст. доходъ достигаютъ
громады цифры. Железной дорогой выручено
около 4 милліон. марокъ. Послѣд. постановка
мистерій въ 1900 г. дала 1 мил. 60 т. 487
марокъ. 400 тысячъ уплачено актерамъ. Ост-
альное тратится на культурныя нужды дерев-
ни. 3000 марокъ составл. запасный капиталъ.
При вѣздѣ въ Аммергау бросается въ глаза
слѣд. особенность: дѣльные доконы крестьянъ—
(извоз. носальниковъ)—это завтрашніе актеры
и статисты. Большинство населенія занимается
вырѣжкой рѣви. изображеній на религіоз. сюжетъ
изъ дерева. Ремесло введено очень давно мо-
нахами. Обращаютъ еще вниманіе фрески на
окнахъ и стѣнахъ домовъ. Надъ домомъ Антона
Ланга—рѣвное изображеніе Христа въ пятни.
мастерской. Надъ фономъ всей деревни возвы-
шаются церкви, колокольня и громадные зданія-
театра. Это символы—деревня живетъ религіозъ
и искусствомъ. 5 дѣтъ крестьяне готовятъ къ
постановкѣ—„все въ будущемъ“, и 5 дѣтъ
живутъ воспоминаніями. (До новой... постано-
вки).

Въ 16 вѣтъ чума посѣтила Аммергау. Жи-
тели деревни дали свѣщ. обѣтъ въ память
избавленія отъ страшной гостни черезъ каждыя
10 лѣтъ ставить мистеріи.

Въ 17 и 18 в. католич. іерархи иногда за-
прещали постановки.

Въ 1801 году былъ послѣдній указъ о пре-
ращеніи мистерій. Въ 1810 году снова дозво-
лили, и теперь (до наст. года) аккурратно каж-
дые 10 лѣтъ повторяются постановки.

Авторъ наст. текста мистерій—Дейзенбер-
геръ и авторъ текста музыки—шк. учитель
Дедлеръ. Подлин. текста, содержащ. 2604 сти-
ха, прилеленный для людей всѣхъ христ. вѣро-
исповѣданій хранится въ Мюнхенѣ.

Трагедія начинается съ пролога. Провне-
сится небольшое пріѣзтовіе, приблизительно
такого характера: „Пріѣзтъ и поклонъ всѣмъ,
находящимся на этомъ собраніи, Вамъ свидѣ-
ники, Вамъ... мужичины и жончины... Будьте
спокойны и молчаливы, мы покажемъ Вамъ
трагедію изъ Новаго заветъ“. Въ эпизодѣ

Мы обѣ стояли нагнувшись надъ рѣ-
сункомъ.

Вдругъ дверь растворилась и въ ма-
газинъ вошелъ гр. Ш.

Схвативъ жему за руку, онъ пробормо-
талъ:

„А, наконецъ-то, я васъ поймалъ! На
этотъ разъ надѣюсь вы не будете отре-
каться?“

Она быстро выпрямилась...

„Да я никогда и не скрывала, прона-
несла она, —и слова эти были сказаны
съ такимъ невыразимымъ презрѣніемъ,
что во мнѣ вольно проснулась жалость
къ обманутому мужу.“

„Такъ вы умрете!“ провознесъ онъ глу-
химъ голосомъ.

И еслибъ графиня въ эту минуту не
подавалась инстинктивно назадъ, то кня-
зь гр. Ш., навѣрное, поразилъ бы ее
въ самое сердце, но онъ только сколь-
знулъ по рукѣ и нанесъ ей легкую рану,
струйка алой крови окрасила бѣлыя
розы, лежавшія на столѣ.

Графиня даже не вскрикнула; обер-
нувъ руку въ батистовый платокъ, она
вышла, не сказавъ болѣе ни слова.

Конецъ этой исторіи, вы знаете: скан-
дальный процессъ, разводъ...

„Вотъ, что говорила моя книжка!“

„Можетъ быть эти любовныя исторіи
занимаютъ васъ, и вы еще болѣе сожа-
лѣете о томъ, что я недала вамъ ее про-
честь.“

Но право, мой другъ, книга эта—кни-
га разочарованій! По ней я слѣжу за ст-
ранными человѣческими...

Вы часто преклоняетесь передъ добро-
дѣтельною какой нибудь женщиной, а меж-
ду тѣмъ въ нашей книгѣ ея грѣхъ выпя-
саятъ на вѣчное осужденіе. Иногда моло-
дая вдова, скорбь которой умилаетъ
всѣхъ, вѣбруетъ намъ тайну своего прі-
яторства.

И нерѣдко молодой человѣкъ, о кото-
ромъ говорятъ, что онъ страстно влюб-
ленъ въ свою неволю, давалъ намъ при-
казанія,—не прекращать ни на одинъ
день послать цвѣтовъ его прежней прі-
ятельницѣ, которую онъ видѣлъ вчера и
увидитъ завтра.

„Нѣтъ если вы хотите сохранить хоть
какія нибудь иллюзіи, то не открывайте
книжку цвѣтощицы, и не читайте въ ней
тысячи главъ монотонной исторіи любви,
которая, въ большинствѣ случаевъ, ис-
чезаетъ какъ дымъ!“

Это я.

опять обращение к присутствующим: „Я прошу Вас убедительно, если кто ошибся, не смейтесь, мы простые крестьяне... мы все дали, как урок—в наидание и для прославления личности Христа.“

Теперь всем завладал совет из 30 человек. Председатель—местный бургомистр. Местн. церковный причт—почетные члены, Избрание на отдельные роли вопрос очень сложный.

Нужно выбрать: 90 мужчин, 14 женщин, 222 статистов.

Включая хор и оркестр Количество участвующих,—около 1000 чел. Участие в постановке мистерии пожизненное. Роли делятся актерам сообразно с возрастом. Замужние женщины участвуют не могут. Дисциплина поддерживается строго. Оповещенного артиста штрафуют—5 марок, артистку—3. Четка начинается с осени,—постановка веской.

Слышен звон церковного колокола. Великолепное солнечное утро. Наскоро глотая завтрак. Все торопятся в церковь. Она уже полна. Богослужение совершают приёмы священники. Внутренность церкви в стиг „Рокко“, столь любимой иезуитами. В 8 часов утра раздаётся пушечный сигнал. Театр вступает до 4000 человек зрителей. Длина его 50 ар. Колонны в корнях стиг. Рельефы. фигуры во весь рост. Сцена вся под открытым небом. На горизонт видны горы, напоминают палестинские. Настроение жуткое, не впритис, что сейчас увидим Христа.

В мистерии 17 актов. I и II ч. по 7 карт. и в III—3 карт. и эпизод. Благодаря симболич. неточавтным картинкам видим—чуть ли не вдвое больше; внимание утомляется, заметны также дефекты освещения. Нисколько слов об актёрах. Роль Христа исполняет Антонъ Лангъ, местн. крест.—гончаръ, 35 л. Луду играет Фринк. Дёву Марию его дочь. Остальные исполнители тоже всё местные крестьяне, плотники, каменщики и гончары. Крестъ Иоанна и Луды всё в пожилом возрасте, что противоречит евангельским данным. Содержание каждого акта передавать и не буду, остановлюсь лишь на выдающихся моментах.

Оркестр исполнил вступление. Произнесено приветствие. О нём говорилось уже выше. Хор разделился на 2 части. Завязь отдержана. „Ярко солнечное утро. Иерусалимские улицы. Праздник май, у всех в руках пальм, ветви. Апостолъ Иоаннъ ведёт ослицу, на ней—Христосъ. Толпа женщин, дётей и подростков криками приветствует приближающегося Христа. Торжественное „Осанна“ сливается в один могучий крик. Масса движений и красок. Сильный, дёствующий на нервы, момент. Дальше идут все знакомые по евангелию картины. „Изгнание торгующих из храма“. Христосъ выпускает из кафтани у одного торговца голубей, те скрываются в синеве неба. Иерусалимские купцы возмущены. Идет глухой репотъ. „Встрѣча съ Симономъ“. „Сцена у Мары и Маріи“. Поэтич. образъ Маріи. Показание ногъ Спасителя драгоцѣннымъ масломъ. Луда дѣлаетъ замѣчаніе о цѣнности масла. Вышность Луды: вчесанные вверхъ рыжие волосы, включенная борода, бѣгущіе глаза. Впечатлѣніе отталкивающее. Авторъ по своимъ личнымъ качествамъ далеко отъ сродства съ предателемъ, по исторіи знаетъ случай, когда игравшій Луду—на дѣлѣ остался предателемъ и указавъ неспрят. отрядъ прохоръ въ деревню. (1633 г.). Бывали случаи, что фанатично настроенная толпа избивала послѣ представления актёра—Луду. Дѣйствіе развивается дальше. Картины сменяются. Луда рѣшается предать Спасителя. У актъ „Тайная вечеря“. Исусъ сидитъ въ центрѣ среди учениковъ. Освѣщеніе слабо. Совершается омовеніе ногъ. Все—въ молчаніи. Хоръ поетъ. Преломляются хлѣбъ. Совершается таинство. Луда покидаетъ учителя. Это моментъ особеннаго моральнаго польза.

Слѣд. акты: Луда получаетъ деньги. Сцены въ Сидеріонѣ. Гессеманскій садъ. Войны, Поиски Христа. Молитва и слабость душевная. Появленіе ангела. Рѣчь ободряющая. Спятіе учениковъ. Христосъ вѣхъ будитъ. Луда приближается. (Непріятно съ худож. стороны, что сцена происходитъ не ночью. Освѣщеніе—дневной свѣтъ). Первая часть мистеріи закончена.

Въ 2 ч. дня опять возобновляется. „Судъ первосвященниковъ“. Луда узнаетъ о смертномъ приговорѣ. Протесты его. Вдали Петръ и Іоаннъ. Сцена у Каиафа. Искусствители. Появленіе Луды, отчаяніе. Сидеріонъ. Опять Луда. Вступаютъ въ споръ. Его гонять и называютъ предателемъ. Онъ швыряетъ серебряники. Приводятъ Христа. Дѣйствіе развивается соответственно евангельской последовательности. Въ 14 карт. особенно интересна музыка. Опять масса движений. Толпа до 500 человекъ. Приводятъ иранованнаго, избитаго съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ Христа. Пилатъ хочетъ разжалобить народъ и проситъ о помилованіи. Крики народа „Распни Его!“ Отпусти намъ Варраву!!! Опять потрясающіе моменты. Приговоръ П. Пилата: „И Понцій Пилатъ... У, данъ въ Иерусалимъ, наканутъ для Пасхи“.

III ч. мистеріи. Богоматерь съ спутникомъ идетъ въ Вифанію. Дурныя предчувствія. Появленіе скорбящаго истомленнаго Христа, несущаго тяжелый крестъ. За нимъ слѣдуютъ всадники и толпа. Богоматерь увидѣла сына. Онъ къ ней простираетъ руки. Лучъ солнца падаетъ на изможденное лицо Христа,—въ публикѣ волненіе, нервы вникъ не выдерживаютъ, начинается плачъ,—истерика 16 карт. Хоръ въ траурѣ. Слышенъ стукъ молотка. Это совершается распятіе... На кре-

стакъ уже висятъ Христосъ и разбойники... (Есть сходство съ известн. картиной). Приемы очень искусны, реализмъ достигается полный. Войны у креста издѣваются надъ распятымъ. Прикрѣпляютъ дочечку. Прободаютъ ребро. Христосъ умираетъ. Дѣлается темно. Раздается грохотъ. Толпа разбѣгается.

Снятие со креста—напоминаетъ рембрандовскую картину. Дальше воскресеніе. Все по Евангелию Христосъ среди учениковъ,—наконецъ плавно возносится къ небесамъ...

Любовь къ мистеріямъ повсюду угасла. Мистеріи сохранились лишь въ Оберъ-Аммергау—въ силу обѣта. Только священное воодушевленіе и религиозн. чувство способны дать такую игру и создать впечатлѣніе.

Янъ Дубовскій.

Жена.

(Разсказъ).

На столѣ стояла свѣча. Газетный сотрудникъ Долгинъ сидѣлъ въ одномъ жилетѣ на кушеткѣ, а его жена—Липочка съ туго зашпигетной на ночь косой и въ нижней юбкѣ стояла противъ него, всхлипывала и говорила:

— Да, да; ты уже давно меня не любишь. Цѣлыми днями ты шляешься по своему проклятому Петербургу, проживаешь деньги со своими проклятыми товарищами, а домой приѣзжаешь только для того, чтобы ругаться.

Чѣмъ больше она говорила, тѣмъ больше охватывало Долгина чувство жалости, раскаянія, сознанія какой то непонятной вины передъ ней. Ея упреки были несправедливы. Долгинъ любилъ жену, и въ подневольной собачьей бѣготнѣ по редакціямъ, по засѣданіямъ и спектаклямъ, любилъ, онъ ни на минуту не забывалъ о Липочкѣ и пятилѣтнемъ сынишкѣ Володѣ. И когда въ недѣлю разъ онъ ѣздилъ къ нимъ на дальній дачный полустанокъ, уже за нѣсколько верстъ его охватывала горячая нетерпѣливая радость. Но случалось какъ то постепенно, что ему все труднѣе было выражать любимымъ людямъ свою любовь и что какое то бѣдое чувство самолюбія и непонятнаго стыда все сильнѣе сковывало его по рукамъ и ногамъ какими то каменными тисками. И теперь на жалобы и упреки жены Долгину мучительно хотѣлось броситься къ ней, обнять ее, заплакать у нея на груди, сказать, что у него сердце разрывается отъ любви, оправдаться за эту ническую жизнь, на которую онъ обрекъ свою бѣдную Липу. Но вѣсто всего этого онъ смотрѣлъ куда то въ сторону, криво и какъ-то невнятно улыбаясь и отрывисто цѣдилъ сквозь зубы:

— Очень можетъ быть! Вы думаете? Слава Богу!

Проснулся маленькій Володя, всталъ въ коротенькой рубашкѣ на кровати, увидѣлъ плачущую маму и самъ заплакалъ.

— Папашка,—захныкала онъ басомъ, протягивая къ отцу два сложенныхъ вѣстѣ кулачка,—чертъ проклятый, не смѣй обижать маму! Убирайся вонъ отсюда!

Получился тигостный, оскорбительный, рвущій его сердце дугъ.

Долгинъ поднялся съ кушетки и отъ жгучей обиды какъ то нечаянно осмѣлился взглянуть Липочкѣ и Володѣ въ глаза.

— Я люблю васъ! Вы несправедливы,—хотѣлось крикнуть ему, но и на этотъ разъ ничего не вышло. Его губы, противъ его воли, улыбаются угрюмо, завистливо и криво.

— Папашка, чертъ проклятый, папашка, чертъ проклятый!—монотонно кричалъ ребенокъ.

Долгинъ подбѣжалъ къ маленькому саквояжу и сталъ поспѣшно складывать въ него только что вынутыя мелочи, бѣлье, газеты. Руки у него тряслись.

Жена вдругъ перестала плакать.

— Что ты дѣлаешь?

— Что дѣлаю? Что же мнѣ осталось дѣлать? Ъду обратно. Разъ я причиняю вамъ страданія однимъ своимъ видомъ.

— Пожалуйста, безъ гаупостей. Тебѣ даже двухъ словъ нельзя сказать.

Убирайся, папашка, злой чертъ! Вонъ, вонъ,—крикнулъ Володя съ неважностью еще разъ.

— Володя перестань,—сказала Липочка,—а ты, пожалуйста, безъ комедій... Если хочешь я съ тобой совсѣмъ не буду разговаривать... Нечего корчить изъ себя жертву.

У Долгина было такое опущеніе какъ будто онъ стоялъ посреди площади голый, и сотни недоброезательныхъ глазъ разглядывали его со всѣхъ сторонъ. Хотъ бы снова землю провалиться... Рѣшительно онъ защелкнулъ саквояжъ, надѣвъ пиджакъ, пальто и шляпу и пошелъ къ холоднымъ снѣгамъ.

— Пожалуйста,—услышалъ онъ въ догонку, на всѣ четыре стороны... Не изгугались.

Онъ вышелъ, терзаемый жалостью и любовью, безъ малѣйшей примѣси гнѣва, но его рука, какъ-то помимо его воли, съ силой захлопнула дверь.

Былъ сильный морозъ и сухая колючая вьюга застала скудную свѣтъ фонарей. Долгинъ шелъ на полустанокъ по скользкой обледѣнной тропинкѣ, называя жену и сына ласкательными именами и съ его прежней тоскливой жалостью къ нимъ смышалась какая то сладостно-бесконечная жалость къ самому себѣ. Долгинъ не удержался и заплакалъ, и слезы, замороженныя вьюгой, больно обожгли его лицо. Черезъ десять минутъ улетѣть въ Петербургъ послѣдній поѣздъ и увезетъ его съ его невсказанной тоской. Почему онъ не тамъ вѣстѣ съ двумя единственно дорогими существами, въ бѣдной, но теплой квартирѣ, съ уютнымъ уголкомъ свѣчи, почему не мелькаетъ мимо него тоненькая добрушная Липочкина косичка, почему его недавній другъ Володя, съ которымъ онъ цѣлыми днями возился дѣтомъ и котораго не стѣснялся ласкать съ глазу на

глазъ, такъ быстро превратился въ его врага. Въ единственной, скудно освѣщенной комнатѣ полустанка пахло угаромъ и керосиномъ, и какъ, то дико пестрѣла на голой бревенчатой стѣнѣ большая заграничная реклама съ женщиной въ красномъ платьѣ и въ черной маскѣ съ бокаломъ шампанскаго въ рукахъ. Вывиннула дверь и вошелъ знакомый станціонный сторожъ, весь бѣлый отъ снѣга, съ фонаремъ.

— Идетъ,—сказалъ онъ отрывисто, очевидно, о поѣздѣ, шедшемъ въ Петербургъ.

Долгинъ взялъ саквояжъ. Но когда онъ увидѣлъ черныя стѣны вагоновъ, съ палишиными косыми полосами снѣга, и ступеньки черныя съ бѣлымъ, и паровозъ въ ледяной бахромя, его вдругъ охватило отчаяніе, ужасъ... Нѣтъ, онъ не поѣдетъ... Ни за что. Лучше бродить всю ночь вокругъ полустанка. Лучше замерзнуть на ступенькахъ своей дачи, но все же чувствовать, что онъ можетъ вернуться домой каждую минуту, что онъ не одинъ.

Ушелъ поѣздъ. Какъ собака, съ отшибленными задомъ, поплелся Долгинъ домой.

Онъ позвонилъ и ему отперла дверь жена. Она какъ будто не удивилась и тотчасъ же ушла въ спальню, гдѣ уже горѣла одинокая лампада.

Долгинъ стравивалъ съ себя снѣгъ въ снѣгахъ и черезъ дѣя комнаты говорилъ:

— Чертъ знаетъ, что! Вспомнилъ, что сегодня нельзя почевать у Трофимова. Я сказалъ ему, что не приѣду и онъ зазвалъ къ себѣ какую то актрису... Придется уже завтра утрю...

Развязно и шумно прошелъ онъ въ спальню и увидѣлъ Липочку на кровати, закутанную въ одѣяло, лицомъ къ стѣнѣ. Ему уже опять хотѣлось броситься передъ кроватью на колѣни, плакать и говорить о своей любви, но вѣсто этого онъ громко швырнулъ въ уголъ саквояжъ, сѣлъ на кушетку и, криво улыбаясь самому себѣ, сталъ раздѣваться. И когда уже засыпая, онъ вспоминалъ полустанокъ, неспую, красивую женщину съ бокаломъ въ рукахъ, сосульки на паровозѣ, длинный путь въ Петербургъ, запахъ типографской краски и холодъ клеенчатого дивана въ типографской конторѣ, гдѣ онъ почевалъ, когда больше было некуда дѣваться, онъ сладко вздохнулъ и на минуту почувствовалъ себя совсѣмъ счастливымъ.

Вилли.

Маленькіе разсказы.

Замерзающій мальчикъ.

Вечерѣло.

Былъ канунъ Рождества. Почти все жители города готовились весело встрѣтить долго-жданный враздникъ.

Въ богатыхъ домахъ зажглись елки.

Люди; взрослые, дѣти, господа и слуги нарядились въ новые одѣжды и сдѣлали радостныя лица.

Всѣмъ хотѣлось быть празднично настроенными.

И прилагая всѣ усилія къ этому взрослые начали усиленно истреблять пищу и вина, а дѣти безъ толку закружились вокругъ елки.

Можно было подумать, что люди цѣлую недѣлю не ѣли, а дѣти, кромѣ хождения въ кругѣ, ничего больше не умѣютъ дѣлать.

Но это было просто характерное выраженіе зимняго праздника—елки.

Въ то время, какъ въ домахъ богачей шло веселье, на улицѣ показались мальчичъ.

По его лицу и неуверенной походкѣ было видно, что это былъ тотъ мальчикъ, который долженъ былъ по традиціи замерзнуть въ ночь подъ Рождество, подъ окномъ богачей.

Съ утра шелъ снѣгъ, можно было надѣяться, что и подморозитъ.

Въ домахъ богачей веселились, всѣ условия рождественскаго происшествія были, кажется, на лицо.

Мальчикъ выбиралъ дома побогаче, окна побольше и что бы снѣгъ подъ окномъ былъ поглубже.

Найдя искомое, онъ подошелъ къ окну, прильнулъ къ стеклу и, расположившись поудобнѣе, приготовился замерзнуть.

Богатые люди, увидѣвъ черезъ окно замерзающаго мальчича, обрадовались и пуще прежняго завеселились, т. е. стали усиленно надѣяться и кружиться.

Но... погода измѣнилась: подулъ вѣтеръ, пошелъ дождь.

Бѣлый красивый снѣгъ, превратился въ грязь.

О замерзаніи не могло быть больше и рѣчи.

Мальчикъ промокъ и, обозлившись, побѣжалъ домой.

По дорогѣ онъ нагнулся и, под-

нявъ камень, бросилъ его въ окно, подъ которымъ собирался замерзнуть.

Разбитое стекло жалобнымъ звономъ заплакало о нарушенной традиціи.

Фантастичное.

Въ теплой и уютной гостинной сидѣло избранное общество, состоящее изъ дамъ и мужчинъ.

Все съ напряженнымъ вниманіемъ слушали разсказчика:

Онъ такъ хорошо умѣетъ говорить страшное, фантастичное.

Незамѣнимый святочный собесѣдникъ.

Матвѣй Матвѣевичъ началъ:

Однажды поздно вечеромъ, сидѣлъ я въ компаніи съ пріятелями. Дѣло было подъ Новый Годъ.

Домъ нашъ былъ очень удаленъ отъ центра. За домомъ открывалась обширная левада.

На дворѣ была вьюга. Вѣтеръ рвалъ ставни оконъ, вылъ въ трубѣ и потрясалъ двери.

Часы пробили двѣнадцать, шумный разговоръ нашъ внезапно смолкъ.

— Господа,—сказалъ одинъ изъ насъ, къ намъ пришелъ Новый Годъ, примемте же его и!..

И въ этотъ мигъ въ двери и ставни нашего дома раздались не стукъ, нѣтъ, а прямо грохотъ.

Вы представьте себѣ нашъ ужасъ. Мы все какъ бы оцѣпенѣли.

Грохотъ не прекращался, а прервался въ трескъ, выламываемой двери.

Еще минута, дверь слетѣла съ петель.

И!..

— Ну, что же, что? раздались голоса заинтересованныхъ слушателей.

— Кто это былъ, говорите?

— Что же случилось съ вами тогда?

Матвѣй Матвѣевичъ посмотрѣлъ на слушателей и преспокойно сказалъ:

Оказалось, что то просто это просто зашли къ намъ съ обыскомъ.

Мих. Н.

Празднованіе Рождества на нью-іоркской биржѣ.

За много лѣтъ впервые финансовому міру Нью-Йорка выпало на долю встрѣтить праздникъ Рождества въ зданіи нью-іоркской биржи, такъ какъ онъ совпалъ съ биржевымъ днемъ.

Празднованіе вышло болѣе чѣмъ оригинальное. Биржевые агенты распорядились внести въ биржевой залъ огромное фортепіано и послѣднія биржевыя сдѣлки завершались, такимъ образомъ, подъ звуки увлекательнаго, любимаго американцами волоса.

Служителями были разукрашены стѣны биржевого зала нарочно заготовленными гирляндами цвѣтовъ и вѣнками. А биржевые бюллетени и листки изъ записныхъ книжекъ превратились въ конфетны, которыми солидные финансисты улицы Валь-Страта съ азаромъ осыпали другъ друга. Веселье царило въ храмѣ Ваала необразимое.

Затѣмъ появился хоръ музыкантовъ-гротескъ, въ костюмахъ подъ предводительствомъ Кноблауха, сыгравшій биржевымъ „брокерамъ“ юмористическую серенаду. Музыкантами были переодѣты курты, мѣняли Нью-Йорка. Сзади нихъ несли знамя, указывавшее на то что теперешній дѣла очень печальны въ сравненіи въ прошлыми годами.

За музыкантами явился сѣдловосый старецъ, аллегорическое изображеніе „дѣдушки-Рождества“, съ бандой рабовъ несшихъ подарки главнымъ дѣтелямъ биржи. Президенту, страстному скотоводу, были поднесены картонныя бараны, коровы и лошади. Другому, любящему фехтованіа, досталась сафетка и плюшка для умыванія. Словомъ, каждому—въ смѣшномъ видѣ „презентъ“, указывающій на его слабость.

Биржевая молодежь войдя въ азартъ, и снявъ съ себя платье, принялась отплясывать адекій кэкъ-уокъ и всевозможные варианты на его тему.

Серьезная и солидная нью-іоркская биржа въ этотъ праздничный день имѣла видъ самой разухабистой, веселой деревенской ярмарки.